

Вопросы ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ :

Вступая в новое тысячелетие

Патриарх Алексей II, М. Горбачев, Л. Абалкин,
С. Капица, Я. Корнай, Г. Попов, Дж. Сорос,
Н. Шмелев о тревогах и надеждах
человечества на рубеже веков

12

2 0 0 0

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Вопросы ЭКОНОМИКИ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С 1929 г.

декабрь **12** 2000

Главный редактор Л. И. АБАЛКИН

Редакционная коллегия

Р.Н. Евстигнеев, А.Н. Илларионов, А.Я. Котковский (заместитель главного редактора), **С.Н. Красавченко, Ю.В. Куренков, А.Я. Лившиц, В.И. Маевский, В.А. Мау, Б.З. Мильнер, А.Д. Некипелов, Р.М. Нуреев, Н.Я. Петраков, Г.Х. Попов, С.Н. Попов** (ответственный секретарь), **Вад.В. Радаев, В.К. Сенчагов, Д.Е. Сорокин, А.И. Татаркин, Г.А. Явлинский, Е.Г. Ясин.**

Международный совет журнала

Х. Канадори (Япония), **Г. Колодко** (Польша), **Л. Конг** (Китай), **Р. Мартин** (Великобритания), **Дж.Миллар** (США), **К.Оппенлендер** (Германия), **Л.Чаба** (Венгрия), **М.Элман** (Нидерланды), **М.Эмерсон** (Великобритания)

УЧРЕДИТЕЛИ:

НП «Редакция журнала "Вопросы экономики"»,
Институт экономики РАН

МОСКВА

CONTENTS

ON THE BORDER LINE OF CENTURIES

His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II – The Going Age: Outcomes and Hopes	5
M. Gorbachev – Entering the New Millennium: Troubles and Hopes	19
L. Abalkin – The Change of Millenniums and Social Alternatives	27
J. Kornai – Ten Years After “The Road to a Free Economy”: The Author’s Self-evaluation	41
G. Soros – A New Global Financial Architecture	56
S. Kapitza – A Model of Growth of Population of the Earth and Economic Development of the Mankind	85
G. Popov – On the Model of Russia’s Future	107
N. Shmelev – Russia and Europe on the Threshold of the 21st Century	120

On the Border Line of Centuries: A Hundred Years Ago

M. Men’shikov – Demise of the Century	135
--	-----

List of Articles Published in “Voprosy Ekonomiki” in 2000	155
--	------------

СОДЕРЖАНИЕ

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II – Уходящий век: итоги и надежды	5
М. Горбачев – Вступая в новое тысячелетие: тревоги и надежды человечества	19
Л. Абалкин – Смена тысячелетий и социальные альтернативы	27
Я. Корнаи – “Путь к свободной экономике”: десять лет спустя (<i>переосмысливая пройденное</i>)	41
Дж. Сорос – Новая глобальная финансовая архитектура	56
С. Капица – Модель роста населения Земли и экономическое развитие человечества	85
Г. Попов – О модели будущего России	107
Н. Шмелев – Россия и Европа на пороге XXI века	120

На рубеже веков: столетие назад

М. Меньшиков – Кончина века	135
--	-----

Содержание журнала “Вопросы экономики” за 2000 г.	155
--	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Шла весна 1999 г. Россия с трудом выбиралась из поразившего ее кризиса. Банковская система была разрушена, население нищало, средний класс был практически ликвидирован. Уныние царило в обществе. До нынешнего подъема в экономике, который выглядел тогда весьма проблематичным, было еще далеко.

В конце марта мне позвонил экс-чемпион мира по шахматам Борис Спасский – уникальный шахматист, человек с многосторонними интересами и с типичной русской ленцой. Мы встретились у меня дома и провели, как водится, всю ночь за кофе, коньяком, разговорами о шахматах, о российской душе и судьбе нашего многострадального народа. Я подарил ему только что вышедшую в Институте работу о русских ученых-экономистах, а также свою книгу “Спасти Россию”. В качестве ответного дара он преподнес мне книгу М.О. Меньшикова “Выше свободы”, которая открывалась статьей “Кончина века”, опубликованной в конце декабря 1900 г.

Автор был мне почти незнаком. Я начал читать статью на следующее же утро и не мог остановиться, пока не закончил. Передо мной заново открылось, к сожалению, забытое имя одного из лучших представителей русской классической публицистики, автора знаменитых “Писем к ближним” (в них Меньшиков за 16 лет опубликовал около 2500 “посланий”), человека, который был дружен с Толстым, Чеховым и Лесковым и чьей поддержки искали Витте и Столыпин.

Между тем неумолимо надвигался новый рубеж – XX и XXI веков. Упустить такой шанс я как редактор не мог...

Редакция журнала “Вопросы экономики” решила подготовить специальный юбилейный выпуск. Мы пригласили на свои страницы видных деятелей государства и православной церкви, крупных бизнесменов, ведущих российских и зарубежных ученых. Все приглашенные авторы – отнюдь не новички в публицистике. Однако большинству из нас, будем скромными, еще далеко до того, чтобы стать авторитетами классической публицистики. Поэтому мы решили воспроизвести для читателей и статью М.О. Меньшикова “Кончина века”. Плохо это или хорошо – пусть они оценят сами.

Конечно, мы много писали – и еще будем писать – об уроках, достижениях и трагедиях XX века. История не кончается календарными датами. Немало скажем и о событиях нового столетия.

Журнал наш по-прежнему открыт для смелых и творческих работ, для поиска новых путей возрождения России, укрепления ее державности. Хотелось, чтобы все они были проникнуты идеей “О здравии народном” – так называлась первая статья из меньшиковского цикла “Письма к ближним”.

Л. Абамкин

Я. КОРНАИ,
доктор экономики, профессор
Гарвардского университета (США) и
Коллегиум Будапешт (Венгрия)

“ПУТЬ К СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ”: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ (переосмысливая пройденное)*

Прошло уже десять лет после выхода в свет моей книги “Путь к свободной экономике”¹. В ней были впервые сформулированы основные направления постсоциалистической трансформации. В данной работе я попытаюсь оценить свои прежние взгляды так, как мне это видится десять лет спустя.

С точки зрения индекса цитируемости – важного критерия успеха в научном мире – “Путь к свободной экономике”, безусловно, был весьма популярной книгой (на нее было сделано несколько сотен ссылок). Но в ней содержались рекомендации политического характера, поэтому зададимся более серьезным вопросом: какое влияние моя книга оказала на ситуацию в мире? Когда я начинал свою работу, мне хотелось хоть в небольшой степени воздействовать на общественное мнение и процесс принятия политических решений и, следовательно, в конечном счете – на ход событий. Я постараюсь в максимальной степени избегать попыток самооправдания и сохранить критический подход, но я готов подтвердить правильность некоторых моих прежних позиций, если они выдержали проверку временем.

Как можно установить задним числом, были ли идеи книги верными или нет? Недостаточно просто сопоставить их с фактами. Если мои рекомендации были неправильными, то совпадение реального хода событий с ними может означать провал и, напротив, несовпадение, скорее всего, свидетельствует об успешном развитии.

Изначально книга была написана для венгерских читателей. В предисловии к ее переводам на иностранные языки отмечалось, что сформулированные в ней рекомендации нельзя механически применять к другим странам. Хотя я полагал, что многие из них носят универсальный характер, тем не менее требовалась их адаптация к конкретным условиям той или иной страны. Поэтому в данной работе я посчитал целесообразным сосредоточиться на опыте Венгрии, дополняя его ссылками на ситуацию в Польше, Чехии и России.

* Доклад на ежегодной конференции Всемирного банка, посвященной проблемам экономического развития (World Bank. Annual Bank Conference on Development Economics – ABCDE). Вашингтон, 18–20 апреля 2000 г. Публикуется с некоторыми сокращениями. Всемирный банк не несет ответственности за точность перевода.

¹ Kornai J. The Road to a Free Economy. Shifting from a Socialist System: The Example of Hungary. N.Y.: W.W. Norton, 1990 (рус. изд.: Корнай Я. Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований. М.: Экономика, 1990).

Из всего многообразия проблем, рассмотренных в книге “Путь к свободной экономике”, я ограничусь анализом лишь двух. Первая – реформа собственности. Как мне сегодня представляется, мои прежние рекомендации в этой области были в основном верными. Вторая проблема – макроэкономическая стабилизация. Здесь ситуация не столь однозначна. Моя нынешняя позиция заключается в том, что тогда я был прав лишь частично.

Реформа собственности и развитие частного сектора

В моей книге анализировалась фундаментальная концепция “рыночного социализма”. В ней отвергалась идея сохранения доминирующей роли государственной собственности при наличии рыночной координации. Эта позиция вызвала раздражение у сторонников рыночного социализма. На меня обрушился гнев многих реформаторски настроенных экономистов в странах Восточной Европы и социал-демократов “старой закваски” на Западе.

В книге получило отражение авторское *кредо* – нужно поддерживать экономическую систему, в которой доминирует частная собственность. В этом смысле предложенные подходы мало отличались от высказываний, звучавших на Западе. Но по-прежнему ряд важных вопросов остается открытым. Каков лучший путь к такой системе? Какой станет структура собственности в экономике после завершения переходного периода? К какому типу капитализма, основанного на частной собственности, из множества существующих следует стремиться?

Рассмотрим в сжатом виде две “чистые” стратегии. Большая часть детальных практических предложений так или иначе тяготела к одной из них и в центре дискуссий оказалась полемика между их сторонниками.

Стратегия А. Сегодня я назвал бы ее *стратегией органичного развития*. Ей присущи пять основных характеристик.

1. Наиболее важная задача – создание благоприятных условий для развития частного сектора “снизу”. Главным стимулом этого служит массовое появление частных предпринимателей. В данных целях необходимо: разрушить барьеры, мешающие свободному входу на рынок; гарантировать права частной собственности, для чего нужны специальные институты, обеспечивающие соблюдение контрактных обязательств; принимать специальные меры (с требуемой осторожностью) для содействия развитию частного сектора, например, в области налоговой и кредитной политики.

2. Большинство компаний, находящихся в государственной собственности, должны быть приватизированы главным образом посредством продажи. Государственную собственность нужно продавать в основном аутсайдерам, отдавая предпочтение тем, кто готов не только заплатить за нее справедливую цену, но и инвестировать в компанию. Если покупатель – инсайдер, то цена продажи все равно должна быть разумной. Нельзя допустить, чтобы инсайдерская приватизация превратилась в скрытую форму бесплатной раздачи имущества.

3. Как следует из пункта 2, необходимо избегать любой даровой раздачи государственного имущества.

4. Предпочтение надо отдавать таким схемам продаж, которые позволят сформировать структуру собственности, характеризующуюся следующими чертами:

– у компании появляется доминирующий собственник – один бизнесмен, или группа владельцев, или частная компания, обладающие опытом управления частной собственностью. Последняя может принадлежать как резидентам, так и иностранцам. Особенно приветствуется владелец – стратегический инвестор, готовый поддерживать компанию путем вливания в нее нового капитала;

– если избрана форма компании с ограниченной ответственностью, не нужно стремиться избегать “распыления” акций. Однако желательно, чтобы у каждой компании был основной стратегический акционер.

5. Необходимо ужесточить бюджетные ограничения компаний. Только так можно установить финансовую дисциплину, без соблюдения которой рыночная экономика не сможет функционировать. Надо принять ряд новых законов, включая законы о банкротстве, бухгалтерском учете и банках, и обеспечить их исполнение. Для того чтобы переходный период был успешным, недостаточно известной “триады” – приватизации, либерализации и стабилизации. Не менее важно ужесточение бюджетных ограничений.

Не следует приватизировать любой ценой или слишком долго искусственно поддерживать “на плаву” хронически убыточные государственные предприятия. По мере ужесточения бюджетных ограничений среди них происходит естественный отбор.

Прибыльные предприятия рано или поздно могут быть проданы. Те, которые нельзя продать из-за того, что их рыночная оценка равна нулю или даже отрицательна, должны быть подвергнуты процедуре банкротства, а не отданы кому-либо бесплатно. Приватизация посредством банкротства и ликвидации – один из основных способов смены собственника.

Доля частного сектора в валовом производстве характеризуется тенденцией к росту, потому что, с одной стороны, появляются новые частные компании, а с другой – сужается государственный сектор. Второй процесс происходит в двух формах: государственные компании могут быть проданы частным владельцам или подвергнуты процедуре банкротства и ликвидированы.

Стратегия Б. Сегодня я назвал бы ее *стратегией ускоренной приватизации*. Ей присущи три важнейшие характеристики.

1. Главная задача – как можно быстрее уничтожить государственную собственность.

2. Основной способ приватизации – раздача собственности в той или иной форме, например, посредством ваучеров, когда права собственности в государственных компаниях, подлежащих приватизации, распределяются бесплатно и на равноправной основе среди граждан страны. Такой подход может предусматривать терпимое отношение к передаче собственности в руки менеджеров или даже ее стимулирование. Во многих случаях подобный механизм оказывается

псевдовыкупом, поскольку менеджеры платят за собственность очень низкую цену, что почти равнозначно получению ее бесплатно.

3. Нет необходимости демонстрировать неприязнь к распределенной собственности. В действительности ее, возможно, следует предпочесть. При этом нужно подчеркнуть, что все граждане получают права собственности на бывшие государственные предприятия и, таким образом, формируется “народный капитализм”.

Что касается двух других характеристик, рассмотренных применительно к стратегии А, то позиция сторонников стратегии В здесь следующая. Они одобрительно относились к развитию частного сектора “снизу”, но не акцентировали на этом внимание в своих рекомендациях в отличие от сторонников стратегии А.

Если бы сторонников стратегии В спросили в свое время о необходимости ужесточения бюджетных ограничений, они бы в принципе с этим согласились. Но требования по их ужесточению в их рекомендациях как бы потерялись и не случайно. Они ожидали, что приватизация автоматически ужесточит бюджетные ограничения.

Самое существенное различие между двумя стратегиями заключается не в наборе характеристик, а в том, на какой из них делается больший акцент. На чем следует сосредоточить внимание политиков, законодательные и административные усилия, интеллектуальный и исследовательский потенциал? Стратегия А выдвигает на передний план важность здорового роста нового частного сектора, в то время как стратегия В отдает приоритет быстрой ликвидации государственного сектора.

В книге “Путь к свободной экономике” и других работах того времени я рекомендовал выбирать стратегию А. Ряд ученых также разделяли эту позицию. Здесь и ниже я упоминаю только западных исследователей². Назовем в их числе В. Андроффа, П. Болтона и Дж. Роланда, Дж. ван Бранта, Р. Маккинона, П. Мюрреля и К. Познански. Тем не менее большинство западных ученых из академических кругов поддерживали и популяризировали (нередко – весьма агрессивно) стратегию быстрой приватизации.

Десять лет спустя я уверен, что стратегия А, стимулирующая органичный рост частного сектора, была верной. Выбор стратегии В – ускоренной приватизации – в лучшем случае был менее эффективным, в худшем – наносил явный ущерб³.

Прежде чем перейти к анализу развития четырех указанных стран, приведем небольшое статистическое сопоставление. Существенно

² Мнения экономистов, работавших в постсоциалистических странах, серьезно разошлись в этом вопросе. В такой политической атмосфере вышло в свет первое издание книги “Путь к свободной экономике”.

³ А. Дейк показал, что в большинстве стран, где осуществлялись прямые продажи предприятий и собственность могла концентрироваться в руках аутсайдеров, темпы роста были выше, чем в среднем для постсоциалистических стран. В то же время в странах, избравших ваучерную схему приватизации с преобладанием распределенной собственности, темпы роста были ниже среднего показателя для региона (см.: Dyck A. Ownership Structure, Legal Protection and Corporate Governance. The World Bank, ABCDE, Wash., 2000, p. 38).

ет тесная причинно-следственная связь между здоровым развитием частного сектора, ужесточением бюджетных ограничений, ускоренной реструктуризацией предприятий и как конечный результат ростом производительности труда – последний показатель более важен, чем показатель ВВП на душу населения, поскольку лучше демонстрирует эффект реструктуризации. В наследство от системы государственного социализма осталась избыточная занятость. Согласно стратегии *А*, предполагалось избавиться от такого наследия, даже прибегая при необходимости к болезненным и непопулярным мерам. Стратегия *Б* избегала этого. В 1998 г. производительность труда в Венгрии была на 36% выше, чем в 1989 г., а в Польше – на 29%. В Чехии соответствующий показатель возрос лишь на 6%. Наиболее неблагоприятное положение сложилось в России – в 1998 г. производительность труда была на 33% ниже, чем в 1989 г.⁴

Очевидно, Венгрия следовала стратегии *А*⁵. Если учитывать все пять вышеописанных характеристик, то переходные процессы в Венгрии в наибольшей степени соответствовали линии органичного развития частного сектора.

Венгерский опыт нельзя ни в коем случае идеализировать. Было немало ошибок, ведь они могли иметь место не только при бесплатной раздаче собственности, но и в ходе приватизации посредством ее продажи. И хотя ни один из громких коррупционных скандалов не сумел по-настоящему потрясти страну, эксперты и общественность уверены, что нарушения при приватизации случались довольно часто.

Вместе с тем отметим, что достижения в экономической области весьма впечатляющи. Возникли сотни тысяч новых малых и средних компаний. Ужесточение бюджетных ограничений в первой половине 90-х годов стимулировало процесс естественного отбора в корпоративной сфере. Заметно укрепилась финансовая дисциплина, были разрушены “оковы” взаимной задолженности компаний, возросла роль частных контрактов. Началась консолидация банковского сектора. Все перечисленное содействовало притоку иностранного капитала, ставшего важным фактором роста производительности труда и экспорта в Венгрии.

В Польше временами делались заявления, “заигрывавшие” с идеей реализации стратегии *Б*, но экономическая политика на практике оставалась близкой к стратегии *А*. Сегодня многие польские экономисты признают, что успех польских реформ, помимо достижений в области макростабилизации, был обусловлен массовым по-

⁴ Economic Commission for Europe. Economic Survey of Europe, 1999, No 3, p. 128–131. Очевидным подтверждением успешности стратегии *А* является, конечно, Китай, но я не включил его в межстрановой анализ. Здесь требуется учет исходных условий и преобладающей политической структуры, а в Китае они серьезно отличаются от существовавших в республиках бывшего СССР и странах Восточной Европы. Подобная задача выходит за рамки данной работы.

⁵ Трудно сказать, как повлияла книга “Путь к свободной экономике” на идеологию венгерских правительств, сменявших друг друга каждые четыре года. Правительственные чиновники редко признаются в том, откуда они заимствуют свои идеи. Когда книга была опубликована, она стала объектом жарких дискуссий в стране, проходивших в средствах массовой информации. Конечно, многие ведущие политики и их советники должны были ее прочитать.

явлением новых компаний, мощным развитием частного сектора “снизу” и притоком частного капитала⁶.

В начале 90-х годов руководители Чешской Республики оказались первыми, пожелавшими воплотить в жизнь стратегию Б. Премьер-министр В. Клаус отстаивал ваучерную схему приватизации даже в своих зарубежных выступлениях⁷.

Соответствующая программа реализовывалась весьма энергично. С тех пор в целом ряде исследований анализировались причины ее относительной неудачи⁸. На первом этапе имущество распределялось среди миллионов владельцев ваучеров, впоследствии оно было снова сконцентрировано в инвестиционных фондах. Однако у фондов не хватало средств для модернизации отсталых компаний или для реальных инвестиций. Фонды были связаны с крупными коммерческими банками, в которых государство было главным акционером или единственным собственником. Подобная структура собственности не позволяла обеспечить сильное корпоративное управление. Реструктуризация предприятий шла ни шатко, ни валко. Несмотря на резкую, в духе “чикагской” школы свободного предпринимательства, риторику, предназначенную для зарубежных экспертов, в действительности бюджетные ограничения оставались мягкими. В то время как приватизация посредством продаж ведет к естественному отбору, бесплатная передача прав собственности консервирует существующую ее структуру.

Результаты оказались разочаровывающими. В немалой степени этому способствовало следование стратегии Б, хотя нельзя сбрасывать со счетов и серьезные ошибки в макроэкономической политике.

Возможно, наиболее печальным примером провала стратегии Б служит Россия. Здесь все характеристики данной стратегии проявились в крайней форме: навязанная стране ваучерная приватизация вкупе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников. В этих условиях произошла не имеющая прецедентов в истории “реформа собственности”, в ходе которой природные ресурсы страны, особенно нефть и газ, были фактически экспроприированы “олигархами”⁹.

⁶ Dabrowski M., Gomulka S., Rostowski J. Whence Reform? A Critique of Stiglitz Perspective. Warsaw, Center for Social and Economic Research, 2000.

⁷ Сама идея была предложена ранее в Польше в работе: Lewandowski J., Szomburg J. Property Reform as a Basis for Social and Economic Reform. – *Communist Economies*, 1989, vol. 1, No 3, p. 257–268. В 1992 г. В. Клаус писал, что “наша нестандартная ваучерная приватизация оказалась быстрой и эффективной” (Klaus V. Renaissance: the Rebirth of Liberty in the Heart of Europe. Wash.: Cato Institute, 1997, p. 72).

⁸ См., в частности: Coffee J. Institutional Investors in Transitional Economies: Lessons from the Czech Experience. In: Frydman R., Gray C., Rapaczynski A. (eds.). *Corporate Governance in Central Europe and Russia*. Vol. I. Budapest, London, New York, Central University Press, 1996; Ellerman D. Voucher Privatization with Investment Funds. An Institutional Analysis. The World Bank. Policy Research Working Paper, 1998, No 1924; Nellis J. Time to Rethink Privatization in Transition Economies? – *Finance and Development*, 1999, vol. 36, No 2.

⁹ См.: Filatotchev I., Wright M., Bleaney M. Privatization, Insider Control and Managerial Entrenchment in Russia. – *Economics of Transition*, 1999, vol. 7, No 2.

Не следует забывать и о сохранении мягких бюджетных ограничений, которые пронизывают все клеточки экономики и политики и наносят огромный ущерб. Россия превратилась в “общество неплатежей”¹⁰. Компании не платят поставщикам, как и работодатели – наемным работникам, или заемщики – банкам-кредиторам. И с такой ситуацией мирятся исполнительная и судебная ветви власти. На деле государство само подает плохой пример, нередко задерживая выплаты заработной платы государственным служащим и пенсий – пенсионерам.

На какой интеллектуальный фундамент опирались сторонники обеих стратегий? Вспомним, что никто не выступил с четкой концепцией или разработал модель, позволяющую сделать выводы исходя из точно сформулированных допущений. Сторонники обеих стратегий дополняли экономические знания интуитивными представлениями о развитии капитализма в будущем. Поэтому сегодня моя задача заключается в том, чтобы понять, нередко читая между строк, какие идеи лежали в основе этого видения.

Начнем с самого простого. Чьи труды и интеллектуальная позиция оказали на меня самое большое влияние, когда я размышлял о проблемах собственности в конце 80-х годов?

Один источник – работы Ф. Хайека, или, точнее, его идеи о развитии рыночной экономики и ее противопоставлении “конструктивизму”¹¹. Я не мог понять, как наши чешские коллеги, ссылаясь при случае на него, сочиняют, сидя за столом, “правила игры” для ваучерной приватизации и рекомендации правительству по ее осуществлению. Хайек придавал огромное значение спонтанным действиям при капитализме, тому, как он отбирает, используя эволюционные механизмы, жизнеспособные институты, которые в состоянии выжить.

Второй мой интеллектуальный источник – труды Й. Шумпетера, но не периода “Капитализма, социализма и демократии” (1929 г.), в котором возлагались наивные надежды на рыночный социализм, а более ранние, в которых он рассматривал предпринимателя как движущую силу капитализма¹². Рыночная экономика, по Шумпетеру, – это не стерильный, стремящийся к равновесию мир Вальраса, но мир реального соперничества, где живые люди организуют новые фирмы, завоевывают новые рынки и продвигают новые продукты. Я чувствовал, что Восточной Европе после огромной дозы бюрократизма необходимы тысячи и десятки тысяч таких шумпетерианских предпринимателей. С этим тесно связана и другая часто упоминаемая идея Шумпетера – о “созидательном разрушении”. В моей логике она сочетается с ужесточением бюджетных ограниче-

¹⁰ World Bank. Dismantling Russia's Non-payments System: Creating Conditions for Growth. Wash., 1999 (русский перевод см.: Вопросы экономики, 2000, № 3. – Прим. пер.).

¹¹ Hayek F. The Constitution of Liberty. London, Routledge, 1960; Hayek F. Order With or Without Design. London, Centre for Research into Communist Economies, 1989.

¹² Schumpeter J. The Theory of Economic Development. An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and Business Cycles. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1968 [1911].

ний и болезненным, но необходимым процессом рыночного естественного отбора, в ходе которого и возникает сам рынок. Мощный процесс входа компаний на рынок и выхода из него служит движущей силой процесса перераспределения ресурсов от менее производительных к более производительным фирмам¹³.

Третий источник – представление о зарождении, развитии и укреплении капитализма, сформировавшееся под влиянием трудов ученых, принадлежавших к французской школе “Анналов”, работ Ф. Броделя и других, проясняющих эволюционную природу процесса, а также исследований коммерческого законодательства и финансовой дисциплины, жестко введенных при раннем капитализме¹⁴.

Наконец, сильное влияние на меня оказало изучение социалистических систем. Я не использую термин “институт” в каждом втором абзаце, как недавно стало принятым, но мне кажется, сумел понять, что означает слово “система” и какова разница между социализмом и капитализмом. Я, безусловно, осознавал, что она не исчезнет просто благодаря приватизации, либерализации и стабилизации.

Под воздействием каких интеллектуальных влияний формировались представления сторонников стратегии *Б* о том, как быстро “построить” капитализм? Здесь недостаточно просто упомянуть стандартные подходы “экономикс”. Даже если они прямо на них не ссылаются, я убежден, что наиболее сильное влияние на сторонников стратегии *Б* оказали работы двух авторов. Один (действительно, по иронии судьбы) – это Карл Маркс, а другой – Рональд Коуз. Довольно странная пара, на мой взгляд.

Умудренные марксисты назвали бы то, что стратегия *Б* заимствовала у Маркса, “вульгарным марксизмом”. Я бы добавил, что то, что она взяла у Коуза, – это “вульгарный коуизм”.

В данном контексте вульгарный марксизм отражен в упрощенной формуле: изменение собственности – не только необходимое, но и достаточное условие возникновения капитализма. Капиталистические отношения собственности формируют базис, на котором возникает капиталистическая надстройка: институты, политические организации и идеология, требующиеся для того, чтобы капиталистический базис мог функционировать.

Реальный ход истории показал (это было подтверждено и событиями, связанными с постсоциалистическим переходом), что отношения между базисом и надстройкой на самом деле намного сложнее. Одно наличие капиталистических отношений собственности – недостаточное условие для укрепления капитализма. Трансформация экономики и общества в различных сферах часто протекает параллельно и характеризуется разнообразными видами взаимодействия. То одна сфера вырывается вперед, то другая, оказывая влияние на первую. Не существует никакого универсального закона, определяющего последовательность, в которой происходит такое взаи-

¹³ Caballero R., Hammour M. Creative Destruction in Development: Institution Crises and Restructuring. The World Bank, ABCDE, Wash., 2000, p. 10–11.

¹⁴ См.: Braundel F. The Wheels of Commerce. London, Fontana Press, 1985.

модействие. Если радикальная реформа собственности предваряет трансформацию политических, юридических и культурных институтов, последняя будет протекать очень медленно и болезненно, с высокими социальными издержками. Таким образом, даже если при определенных условиях быстрая и глубокая реформа отношений собственности и возможна, совсем не очевидно, что проводить вначале ее, а потом трансформировать дополнительные институты, – наиболее разумная последовательность.

Я попытаюсь сформулировать в упрощенном виде суть вульгарного коузизма следующим образом. Не имеет значения, если исходное распределение юридических прав неэффективно. В конечном счете оно станет эффективным.

Это утверждение пропитано оптимизмом Панглоса¹⁵. Думается, что если бы Коуз принял участие в данной дискуссии, он добавил бы три оговорки ко второму предложению вышеприведенной формулировки¹⁶. Эффективное распределение юридических прав возможно при условии:

- обмен осуществляется на совершенно конкурентном рынке;
- обмен происходит свободно, нет барьеров на пути передачи прав собственности;
- при передаче прав собственности нет трансакционных издержек или, по крайней мере, они очень низки.

Но что произойдет, если эти условия отсутствуют? В действительности именно так обстоит дело в случае постсоциалистической трансформации. Передача прав собственности может быть заблокирована группами интересов, обладающими огромной властью, как в России. Нужно учитывать и возникающие в период перераспределения высокие социальные издержки.

Обратимся к аргументам, высказанным в ходе дискуссии.

1. Сторонники стратегии *Б* охотно использовали *этические* соображения. Каждый гражданин должен получить равную долю бывшей государственной собственности, что будет справедливым¹⁷. Последующий ход событий показал лицемерность подобного аргумента. Начальное распределение собственности сохранялось недолго, после чего произошла резкая концентрация бывшей государственной собственности. В случае России это привело к развитию абсурдной, извращенной и крайне несправедливой формы олигархического капитализма¹⁸.

¹⁵ Панглос – герой повести Вольтера “Кандид, или Оптимизм”, носитель оптимистических концепций Лейбница. – *Прим. пер.*

¹⁶ Coase R. The Problem of Social Cost. – *Journal of Law and Economics*, 1960, vol. 17, No 2.

¹⁷ Большинство россиян с самого начала отнеслись к ваучерам с подозрением и не ожидали, что они смогут существенно улучшить их финансовое положение (см.: Blase J., Kroumova M. and Krause D. *Kremlin Capitalism: The Privatization of the Russian Economy*. Ithaca and London, Cornell University Press, 1997, p. 76–77).

¹⁸ Основываясь на этической точке зрения, я не утверждаю, что приватизация посредством продажи – более “чистая”, чем при раздаче собственности. Применительно к Венгрии я уже отмечал вероятность заключения нескольких теневых сделок. Здесь я просто хочу опровергнуть аргументацию, что бесплатная раздача собственности справедлива по своей природе.

Продажа государственной собственности по справедливой цене не уменьшает богатства государства, просто меняется его форма. Поступления от приватизации необходимо эффективно инвестировать, а не проедать. Венгрия использовала их для уменьшения внешней задолженности, по крайней мере, в ходе “большой волны” приватизации, когда были проданы многие предприятия энергетической и телекоммуникационной отраслей. Последующее сокращение выплат по процентам и заметное улучшение кредитного рейтинга страны способствовали повышению уровня жизни всех ее граждан.

2. Сторонники стратегии А делали акцент на *социологических* аргументах. Для укрепления капитализма очень важен процесс *обуржуазивания* общества, формирования класса собственников. Хорошо известно, что на определенном этапе зрелого капитализма большую роль играет наряду с институциональной распределенная акционерная собственность. Однако здесь недопустимо забегание вперед, не имея сильного арьергарда. Появление институциональных инвесторов не может заменить радикальную трансформацию стратификации общества. Этот аргумент получил свое подтверждение в ходе первого десятилетия постсоциалистических преобразований. Существует тесная корреляция между степенью экономических успехов и глубиной изменений в стратификации общества.

3. Аргументы, представлявшие наибольший интерес для экономистов, касались *экономической эффективности*. В этой области стратегия А наиболее убедительно продемонстрировала свое превосходство. Было показано, что *новые* частные компании в целом более производительны, чем остающиеся в государственной собственности или приватизированные¹⁹. Эмпирические свидетельства подтверждают предположение, что распределенная собственность и сохранение мягких бюджетных ограничений сдерживают рост производительности²⁰. Шумпетерианский дух предпринимательства, выбраковка неэффективных, нежизнеспособных компаний, появление реальных собственников, нацеленных на установление порядка, приход иностранных инвесторов – все это подстегнуло рост производительности и экспорта.

4. Наконец, обратимся к *политическим* аргументам. Сегодня все согласны с тем, что принятие программы ваучерной приватизации и откладывание проведения болезненной реструктуризации предприятий сыграли критическую роль в победе правящей партии на вторых свободных выборах в Чехии. Другого примера подобной победы в странах Восточной Европы за последние 10 лет не было. В этом смысле приватизационная кампания была успешной²¹. Напротив, коалиции, находившиеся у власти в Венгрии и Польше в период первого парламентского цикла, вторые всеобщие выборы проиграли. Их

¹⁹ Konings J. Firm Growth and Ownership in Transition Countries. – Economic Letters, 1997, vol. 55, p. 413–418.

²⁰ Djankov S., Murrell P. Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey. University of Maryland, 2000, mimeo.

²¹ С другой стороны, это же правительство два года спустя ушло в отставку в середине парламентского цикла во многом из-за сделанных им ошибок в ходе реализации экономической политики.

соперники, добившиеся победы, придерживались в основном той же стратегии А, что и их предшественники. Четыре года спустя, после отказа от использования бесплатной приватизации в качестве избирательного оружия, они, в свою очередь, проиграли выборы. Таким образом, стратегия Б с точки зрения макъявеллиевского критерия сохранения власти оказалась более эффективной.

Сторонники стратегии Б везде и особенно в России повторяли аргумент, что, если “окно возможностей” для приватизации будет открыто, этим надо немедленно воспользоваться и проводить ее нужно *быстро*, пока чиновничья бюрократия растеряна и не способна оказать сопротивление. Поэтому изменения в отношениях собственности должны стать необратимыми, иначе другого шанса может и не быть.

Данный аргумент ни подтвердить, ни опровергнуть логически невозможно. Хотя сегодня ясно, что, например, демократии в Чехии не угрожали восстановление коммунистического правления и появление советских танков, нужно признать, что в 1991 г. это было не так очевидно.

С такой точки зрения особенно сложно переосмысливать события в России. Неоднократно приходилось слышать следующие аргументы. Массовую приватизацию надо было осуществить быстро, пока коммунистическая партия не победила на выборах. Если она станет доминировать в Государственной думе, о приватизации можно будет забыть.

На мой взгляд, эта аргументация основана на ложных посылах, поставленных с ног на голову. Если бы приватизация проводилась иначе и удалось бы избежать огромного количества нарушений и высоких социальных издержек, ассоциируемых с ней, в России не было бы такой сильной ностальгии по коммунистическим временам. Навязанная обществу реформа собственности может стать необратимой. Тем не менее для этого могла быть заложена более солидная основа, если бы в обществе сформировался широкий слой буржуазии, последовательно соблюдались права собственности и частные контрактные обязательства, демократические нормы были институционализированы, а рыночную экономику поддерживало большинство избирателей.

Макроэкономическая стабилизация

При подготовке данной работы я еще раз перечитал “Путь к свободной экономике” и был удовлетворен главой о приватизации. Что касается главы о стабилизации, этого я сказать не могу. Если бы я мог перенестись в тот год на машине времени со всеми своими нынешними мыслями, я бы полностью переписал главу. В ней рассматривалось несколько вопросов, здесь я остановлюсь на трех из них.

Время. В 1989 г. венгерская экономика столкнулась с рядом очень серьезных макроэкономических проблем, для решения которых требовались жесткие действия. Было ясно, что их последствия окажутся весьма болезненными. Встал вопрос о том, когда их осуществлять. В своей книге я рекомендовал предпринять необходимые шаги быстро, в течение ближайшего года или двух лет. Эта рекомендация сохранилась и в чешском, и польском, и русском изданиях книги и в ряде

других. Главный мой тогдашний аргумент – открывается новая глава истории. Именно в этот момент свободно избранное правительство имеет моральное право призвать общество принести жертву, оправдывая ее необходимостью исправления ошибок *предыдущего* режима (особенно тех, что можно исправить быстро). В случае затяжки времени люди, справедливо или нет, начнут возлагать вину за недостатки и трудности на новое демократическое правительство.

Мне и сегодня кажется, что моя позиция была верной. Подобные радикальные шаги были предприняты в Польше в 1990 г. в ходе реализации программы Л. Бальцеровича. В первом разделе данной работы я несколько раз критиковал правительство Чехии, но здесь я хотел бы отдать должное правительству В. Клауса за смелость при принятии решительных мер в области макроэкономической политики в 1991 г.

Как гражданин Венгрии я искренне сожалею, что правительство моей страны отвергло это предложение, а оппозиция его также не поддержала. Их решения зависели от наличия политической воли, а не от объективных экономических условий. Ведущие политические силы боялись делать непопулярные шаги. Макроэкономическая стабилизация была отложена на несколько лет, и соответствующие меры были реализованы лишь в 1995 г., когда Венгрия находилась на грани финансового краха под воздействием мексиканского кризиса. Просто разумных советов было недостаточно. Нужно было, чтобы Венгрия оказалась на краю пропасти, только тогда правительство в последний момент решилось предпринять действия, направленные на предотвращение кризиса.

Большинство экспертов сходятся на том, что издержки отложенной стабилизации намного превышают те, что возникли бы при ее более раннем осуществлении. Не следует думать, что подобное решение принимается исходя из чисто рациональных, экономических соображений. Здесь имеются и этическая, и политическая дилеммы. Это вопрос межвременного распределения потерь и выгод и одновременно готовности заплатить политическую цену за принятие непопулярных мер.

Прогнозы. Мои предложения основывались на определенных прогнозах макроэкономических последствий постсоциалистической трансформации. Они оказались неверными. Я не сумел предвидеть глубокий спад в странах с переходной экономикой и слишком оптимистично оценивал перспективы будущего роста. Я должен признать, что прогнозы, сделанные многими моими коллегами в Венгрии и за рубежом, оказались более реалистичными.

Я могу винить себя, потому что в моем распоряжении имелась информация, на основе которой можно было бы лучше спрогнозировать ход событий. Например, я мог бы более внимательно прочитать свою собственную книгу “Социалистическая система”²² и тогда ход моих рассуждений был бы следующим.

Наследие социалистической системы – крайне искаженная структура “затраты – выпуск” в экономике. Для исправления этого требовалось созидательное разрушение, но разрушение протекает быстро, а

²² Русское издание см.: Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: НП “Журнал Вопросы экономики”, 2000.

созидание – медленно, так что сам по себе баланс двух процессов предполагал глубокий спад.

В социалистической системе был создан специальный механизм координации различных видов деятельности. Хотя уровень его эффективности был низким, а в конце механизм вообще едва действовал, он все же до этого времени работал. При изменении системы старый механизм был сломан, но новый, рыночный механизм еще не мог выполнять все функции координации. В своей более поздней работе²³ я назвал эту ситуацию институциональной “ничейной землей” и дезинтеграцией.

Названные изменения вкупе с рядом других факторов привели к тому, что в регионе разразилась самая глубокая рецессия в мировой экономической истории. Необходимо было пересмотреть классические рецепты макроэкономической стабилизации, прежде чем надеяться на успех любой трансформационной программы.

Какого результата можно добиться быстрыми действиями? В моей книге содержалась рекомендация, предлагающая осуществить радикальную программу преобразований за один прием. Оценивая данный совет ретроспективно, я буду опираться на опыт как Венгрии, так и других стран.

Даже сегодня я не отвергаю идею “пакета” радикальных реформаторских мер, когда ряд шагов предпринимается одновременно. Хорошо составленный набор выверенных мер способен восстановить равновесие сразу в нескольких областях макроэкономики или, по крайней мере, приблизить экономику страны к терпимой степени неравновесия (например, сократив дефицит текущего платежного баланса или бюджетный дефицит до приемлемого уровня).

Сейчас я сместил бы акцент в этом предложении. Слишком много внимания в нем уделялось тому, что можно достичь быстро, реализуя “пакет” радикальных мер, и слишком мало – тому, как укрепить достигнутое и обеспечить долговременное улучшение.

Трудно добиться экономического равновесия, но очень легко его снова потерять. Не однажды казалось, что в Венгрии, Польше, Чехии и России макроэкономическая ситуация налаживается. Затем следовала очередная встряска: замедление темпов роста или даже абсолютное ухудшение определенных показателей. Чтобы рост был *устойчивым*, необходима глубокая, всеобъемлющая программа институциональных реформ.

Мои предложения, прямо или косвенно касавшиеся бюджетных ограничений, и сегодня представляются вполне разумными, но я не могу простить себе ошибку, которую сделали и многие другие авторы помимо меня, – я обратил недостаточное внимание на важность проведения иных реформ. Легко улучшить состояние бюджета за один прием, например, повысив ставки налогов. Но для длительного улучшения

²³ Kornai J. Transformational Recession: A General Phenomenon Examined through the Example of Hungary's Development. – *Economie Appliquée*, 1993, vol. 46, No 2. О. Бланшар, теоретически анализируя этот феномен, назвал его “дезорганизация” (Blanchard O. *The Economics of Post-Communist Transition*. Oxford, Clarendon Press, 1997).

ситуации требуются проведение радикальной налоговой реформы, расширение базы налогообложения, введение новых налогов и работоспособная система сбора налогов. И это – лишь одна, возможно, более простая сторона фискальной реформы. Другая ее сторона – сокращение государственных расходов, что означает реорганизацию государственного аппарата и финансирования образования, здравоохранения и других сфер социального обеспечения. Относительно легко объявить национальную валюту конвертируемой, но намного труднее организовать эффективную систему международных расчетов, наладить тесные связи между отечественной и мировой банковскими системами и гарантировать соблюдение международных платежных соглашений.

В задачу данной работы не входит детальный анализ того, какие элементы программы Е. Гайдара 1992 г. были хороши, а какие – не очень. Здесь я могу лишь отметить следующее: проблема состояла не в том, что правительство Гайдара путем принятия радикальных мер стремилось остановить сползание страны в пучину гиперинфляции. Беда (не единственная, но главная) заключалась в том, что в России не было создано институциональной системы для поддержания и укрепления макроэкономического равновесия ни до этого момента, ни после.

Макроэкономическая стабилизация – не отдельная битва, а бесконечная война. Блицкригом ее не выиграть. Институциональные реформы можно проводить лишь шаг за шагом, сериями больших и малых блоков. Сегодня мне это ясно. Я сожалею, что данной идеи нет в “Пути к свободной экономике”.

Полемика начала 90-х годов была связана с выбором между “градуализмом” и “шоковой терапией”. Это была одна из популярных тем для дискуссий в студенческих аудиториях при изучении курсов по компаративистике. Многим студентам пришлось писать о ней в своих экзаменационных работах.

Мне представляется, что вопрос был поставлен неверно и я не собираюсь отвечать на него. Он уже содержит критерий – *скорость*. Я же убежден, что, как бы скорость преобразований ни была важна, она не является главным мерилom успеха. В те времена многие участники постсоциалистической трансформации были одержимы скоростью²⁴. Чехию тепло поздравляли с тем, что ей первой удалось приватизировать большую часть экономики. В Венгрии масштабы частного сектора стали сопоставимыми с чешскими спустя два года, а в Польше –

²⁴ 17 мая 1999 г. в Фонде Карнеги (Вашингтон) А. Чубайс – вдохновитель российской приватизации – прочитал лекцию. Я приведу цитату из сообщения Фонда о его выступлении: “Когда его спросили о его роли в качестве руководителя органа, ответственного за приватизацию, в 1992–1994 гг., Чубайс признал, что его действия можно назвать “большевистскими” – не пользовавшимися поддержкой общества и быстро осуществлявшимися. Его стратегия заключалась в том, чтобы приватизировать как можно быстрее, используя для этого каждую минуту. “Я не говорил, я приватизировал”, – заявил Чубайс”.

минимум через три. Ну и что? Преобразования в обществе – это не скачки. Кто придет первым – еще не главный показатель успеха.

Чрезмерный акцент на скорости приводит к нетерпимости, агрессивности и самонадеянности. “Мы можем сделать все, что захотим”. Своеобразная ирония заключается в том, что выражение “массовая приватизация” как синоним бесплатной раздачи собственности и ваучерной приватизации обратно выражению “массовая коллективизация”, известному из практики сталинизма. Сталин не желал тратить много времени на добровольную коллективизацию. Используя грубое, беспощадное насилие, он навязал крестьянам коллективную собственность за два-три года. Я не хотел бы проводить прямые параллели. К счастью, в 90-е годы не было ни ГУЛАГов, ни насилия. Изменения были осуществлены более мягкими средствами. Тем не менее сходство имеется: подчинение реформы собственности политическим идеям, страх перед постепенными переменами, нетерпимость и одержимость быстротой преобразований.

Переход от социализма к капитализму должен протекать органично. Иначе и быть не может. Это странное сочетание революции и эволюции, процесс, основанный на методе проб и ошибок, сохраняющий или ликвидирующий старые институты и испытывающий, принимающий или отвергающий новые. При этом что-то может происходить очень быстро, что-то – относительно быстро или медленно. То есть скорость различных составляющих процесса трансформации будет неодинакова. В некоторых случаях требуется одномоментное решение проблемы, в других – инкрементальные изменения.

Существуют более важные критерии, чем скорость преобразований. Я начну с утверждения (не предположения, но утверждения), что капиталистическая система превосходит социалистическую. Из этого следует, что чем надежнее фундамент капитализма, тем лучше он будет функционировать в средне- и долгосрочной перспективе. Таким образом, упор нужно делать на укрепление и стабилизацию системы и в то же время – на поддержание устойчивого экономического роста, а не пытаться достичь рекордных темпов развития.

*Перевод с английского
С. Винокура*